

«От бочки эля я бы отказался,
Лишь бы жене моей послушать вас.
Авось бы вразумил ее рассказ
Об этаким смирении примерном.
Христовы кости! Вот он, всем пример нам.
Коль поварятам надо взбучку дать,
Ей только и забот, что мне совать
Дубину в руки, в голос причитая:
«Лупи их крепче! Ой, напасть какая!
Бей насмерть! Не жалей дрянных щенят».
А то косою золовка кинет взгляд
Иль в церкви место не тотчас уступит, -
Опять меня жена за это лупит.
В лицо мне вцепится и ну кричать:
«О подлый трус! Не смеешь наказать
Обидчицу. Садись тогда за прялку,
А нож дай мне, чтоб заколоть нахалку».
И так с утра до вечера вопит,
И в доме коромыслом дым стоит:
«Ой, горе мне! Мой муж чурбан и тряпка.
Терплю обиды, как простая стряпка,
А он жену не может защитить».
В аду таком приходится мне жить, -
То ль драться каждый день со всей округой,
То ль из дому уйти, то ль слушать ругань.
И ждет жена, чтоб, распалив свой гнев,
Я зарычал, как африканский лев;
Надеется, что недруга зарежу,
Чтоб ей сбежать, сказав, что ночью брежу
Убийствами, что тайный я злодей
(Хоть никогда я не противлюсь ей,
Чтоб оплеухами не пообедать), -
Всяк мог бы мощь руки ее изведать,
Осмелься он... Ну, да к чему мечтать.
Что ж, сэр монах, вам время начинать,
Но только, чур, смотрите веселее,
Тогда и солнце будет нам милее.
Рочестер скоро, вон за тем холмом.
Не нарушайте нам игры нытьем.
Не знаю только, как мне кликать вас:
Сэр Джон, мессир Альбан иль сэр Томас.
Не знаю точно родословной вашей,
Ни звания, ни должности монашьей.
Наверное, вы келарь или ризник:
Ведь щек таких не видывал я в жизни.
А ваше пастбище, должно быть, тучно,
И вам пастись на нем, видать, сподручно.
На постника вы вовсе не похожи;
Не нагулять, постясь, подобной рожи.
Вам должное воздать я был бы рад:
В монастыре, конечно, вы аббат,
Не послушник, а мудрый управитель,
Которым похваляется обитель.
Клянусь, нет человека в мире целом,
Кто б станом был вам равен или телом.